

Научная статья
УДК 81'373:811.113.6

Словосложение и его роль в текстах официально-документального стиля на шведском языке

И. В. Матыцина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
imatits@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является определение роли композитов в текстах официально-документального стиля на материале высказываний с композитами, полученными методом сплошной выборки из международных нормативных правовых документов и корпуса шведского языка. Используется описательный метод, а также методы структурно-семантического и контекстуального анализа. Сделаны выводы о том, что использование композитов усиливает именной характер текстов официально-документального стиля, обуславливает повышение их индекса сложности, увеличивает сжатость, компактность и статичность изложения. Композиты являются важным ресурсом официально-делового языка и его узнаваемой особенностью.

Ключевые слова: шведский язык, функциональные стили, язык официально-делового общения, словосложение, композиты

Для цитирования: Матыцина И. В. Словосложение и его роль в текстах официально-документального стиля на шведском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 40–46.

Original article

Compounding and Its Role in Official-Documentary Texts in Swedish

Irina V. Matytsina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
imatits@gmail.com

Abstract. The aim of the research is to determine the role of compound words in official-documentary texts by analysing utterances that contain them. The study material was obtained through systematic sampling from a Swedish language corpus and international legal documents, using a descriptive method as well as methods of structural and semantic analysis and contextual analysis. The findings indicate that the use of compound words reinforces the nominal character of official-documentary texts, increases their complexity index, and enhances the compression, compactness and static nature of the statements. Compound words are a crucial resource and a distinctive feature of formal language.

Keywords: Swedish, functional styles, formal language, compounding, compound words

For citation: Matytsina, I. V. (2024). Compounding and its role in official-documentary texts in Swedish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 40–46. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В Швеции вопросы доступности и понятности языка официально-делового общения давно находятся в центре внимания языковых экспертов, и в этом направлении работы достигнуты значительные успехи. Новизна данной статьи заключается в обобщении результатов исследований, анализирующих словообразовательные особенности шведского языка применительно к текстам официально-документального стиля, и выявлении основных соответствий шведским композитам при переводе таких текстов на русский язык. Актуальность тематики обусловлена возросшим в последние десятилетия интересом российских лингвистов к вопросам нормирования и упрощения языка официально-делового общения, что, в частности, привело к появлению такой дисциплины, как юрислингвистика. В центре внимания лингвистов вопросы, касающиеся восприятия и понимания правовых норм широкой публикой [Белов, Гулида, 2019]. Результаты проведенного анализа имеют как научную, так и практическую ценность и могут быть учтены в исследованиях по сопоставительной грамматике русского и шведского языка, а также в работе по совершенствованию русского языка официально-документального общения и при обучении студентов переводу документов с русского на шведский и со шведского на русский язык. Материалом исследования послужили Соглашения между Правительством РФ и Правительством Королевства Швеция, а также отдельными ведомствами РФ и Швеции объемом 30 тыс. токенов, а также корпус шведского языка. При написании статьи были поставлены следующие задачи:

- 1) охарактеризовать композиты в шведском языке и определить их место и роль в текстах официально-документального стиля на основе использования описательного метода с привлечением результатов исследований российских и зарубежных авторов;
- 2) выявить соответствия шведским композитам в русском варианте международных соглашений, используя методы структурно-семантического и контекстуального анализа.

ХАРАКТЕРИСТИКА ШВЕДСКИХ КОМПОЗИТОВ

Словосложение является одним из самых продуктивных способов словообразования в шведском языке [Маслова-Лашанская, 2011]. Так, например, в Академическом словнике шведского языка за

2015 год содержится 125 тыс. слов, из них 90 тыс. являются сложными и состоят из двух и более основ¹.

Композиты выделяются прежде всего на основе фонетического (главное ударение, соединяющее основы) и морфологического (цельнооформленность) признаков. Цельнооформленность проявляется в том, что словоизменяемые морфемы используются только при последнем компоненте: *ett höghus – ett högt hus* [Маслова-Лашанская, 1991]. Цельность значения хотя и характерна для композитов, но не является их отличительным признаком, так как есть составные лексемы, для которых также характерна цельность значения – *röda hund* (краснуха). Элементами сложного слова, или композита, могут быть практически любые части речи [Никуличева, 2000], но в шведском языке официально-делового общения преобладают субстантивные композиты, первым компонентом которых чаще всего является также существительное, реже – основа прилагательного или глагола.

В скандинавской традиции изучения сложных слов принято выделять следующие группы композитов, различающиеся характером передаваемых значений: 1) нецельнозначные – сложные слова, значение которых выводится из суммы значений компонентов, их образующих. Подобные композиты близки по значению к синтаксическим словосочетаниям, но, в отличие от них, характеризуются грамматической цельнооформленностью, а также фонетическими признаками – единством ударения и специфическим тоническим акцентом (*grav accent*, «второй тип тонического акцента»); 2) цельнозначные – сложные слова, значения которых не сводятся к сумме значений компонентов: значение слова *en storstad* «город с населением не менее 100 тысяч» не равно значению словосочетания *en stor stad* «большой город» [Маслова-Лашанская 2011, с. 156–157].

Большинство встречающихся в современном официально-документальном языке композитов – двухкомпонентные: *skattelbrott* «налоговые преступления» (ÖSN)², *tilläggsprotokoll* «дополнительный протокол» (ÖRoS)³, *lagstiftning* «законодательство» (ÖSI)⁴, *informationsystem* «инфор-

¹Svenska Akademiens Ordlista (SAOL 14). 2015. URL: <https://svenska.se/saol/> (дата обращения: 14.08.2023).

²Зд. и далее: ÖSN – Överenskommelse mellan Rysslands Federala myndighet för narkotikakontroll och Sveriges Rikspolisstyrelse om samarbete i kampen mot illegal hantering av narkotika, psykotropa ämnen och narkotikaprekursorer. Stockholm: Rikspolisstyrelse, 2005.

³Зд. и далее: ÖRoS – Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse och Ryska Federationens Skattepolis. Stockholm, 1997.

⁴Зд. и далее: ÖSI – Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse och Ryska Federationens Inrikesministerium. Stockholm: Rikspolisstyrelse, 1996.

мационные системы» (AVF)¹, но встречаются и трехкомпонентные слова (*tull|lag|stiftning* (AVF), *lag|stiftnings|dokument* «законодательные документы» (ÖSN), *havs|rätts|konvention* «Конвенция по морскому праву» (ÖF), *Riks|polis|styrelse* «Главное полицейское управление» (ÖSI), *dom|stols|beslut* «решение суда» (ÖSFF)², которые также состоят из двух частей, поскольку одним из их компонентов, обычно первым, но бывает и вторым, является целое словосочетание:

riksdagsbehandling – riksdag + behandling
lagstiftningsdokument – lagstiftning + dokument
tulllagstiftning – tull + lagstiftning.

Благодаря тому что один из компонентов таких лексем может быть представлен композитом, словообразование становится рекурсивным и открывает возможность создания линейно неограниченных сложных слов.

Самое длинное зафиксированное в последнем издании Академического словаря шведского языка (SAOL) слово состоит из 28 букв – *realisationsvinstbeskattning* (налогообложение прибыли от обналичивания денег), а в Большом словаре языка интернета³ самым длинным является слово из 34 букв – *brännskadeintensivvårdsavdelningen* «реанимационное отделение для пациентов с ожоговыми травмами». Кроме того, в финансовых документах количественные и порядковые числительные записываются словами и слитно, например:

sextusenfemtionionde – 20 букв;
fyramiljonersexhundraåttoniotusenfemhundrafyrtioåttonde – 56 букв.

Большинство сложных слов являются эндоцентрическими, т. е. такими, в которых один из компонентов (как правило, последний) выступает семантическим центром слова и гиперонимом для всей лексемы [Кукушкина, 2007]. Отношения между компонентами композита обычно являются детерминативными – первый выступает в качестве *определения* ко второму, например:

forskningsresultat (ÖSI) – результаты исследований;

¹Зд. и далее: AVF – Avtal med Ryska federationen om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott. URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/67970960b59640e0a7801bbbf55c6f/avtal-med-ryska-federationen-om-omsesidigt-bistand-vid-bekampning-av-vissa-fiskala-brott/> (дата обращения: 14.08.2018).

²Зд. и далее: ÖSFF – Överenskommelse mellan Konungariket Sveriges regering och Ryska Federationens regering om att återlämna stulna och förskingrade fordon. Stockholm, 1999.

³Stora ordboken. URL: <http://storaordboken.se/> (дата обращения: 14.08.2023).

kommunikationskanal (ÖSI) – канал коммуникации;
säkerhetspolis (ÖSI) – полиция безопасности;
skattesystem (ÖroS) – налоговая система;
samarbetsform (ÖroS) – форма сотрудничества.

Среди слов этой группы много таких, в которых второй компонент является широкозначным словом, значение которого сужается и уточняется за счет первого компонента (например, *system, form, rutin*). Также распространены примеры, в которых первый компонент обозначает *объект действия*, обозначенного вторым компонентом, в роли которого выступает основа отлагольного существительного:

skattebrott (ÖroS) – налоговое преступление;
lagöverträdelse (ÖroS) – правонарушение;
skatteöverträdelse (ÖroS) – налоговое правонарушение;
informationsutbyte (ÖroS) – обмен информацией.

Еще одну достаточно многочисленную группу представляют такие слова, где первый компонент обозначает *действие или деятельность, для которой предназначен объект*, выраженный вторым компонентом:

biståndsframställning (ÖSN) – запрос о содействии
sambandsmän (Ös) – офицеры по связи, букв. *«связные люди»
utredningsåtgärder (ÖroS) – следственные мероприятия.

Наряду с композитами, состоящими только из основ существительных, в эту группу входят сложные слова, первым компонентом которых является основа глагола:

arbetsgrupp (ÖroS) – рабочая группа (гл. *arbeta* – работать)
samarbetsrutiner (ÖroS) – порядок [осуществления] сотрудничества (гл. *samarbeta* – сотрудничать)
vitsord (ÖroS) – свидетельство, букв. *«свидетельствующее слово» (гл. *vita* – свидетельствовать).

Гораздо реже встречаются сложные слова, компоненты которых связывают *локальные* отношения:

hotellvistelse (ÖroS) – проживание в гостинице
skattelagstiftning (ÖroS) – налоговое законодательство (= *законодательство в налоговой сфере).

В тех случаях, когда вторым (главным, определяемым) компонентом композита является существительное, оно может выступать в виде 1) чистой основы (*skatt|el**bro**tt*), 2) производного слова

(*företags|ledning* = *företag* + *s* + *led* + *ning*), 3) сложного слова (*special|straffrätt*).

Иногда сложные слова образуются путем использования метафорического переноса [Жильцова, 2023]. Чаще это касается первого компонента, который, будучи продуктивным и употребительным, используется в переносном значении в разных словах, например, компонент *gam* имеет переносное значение и употребляется в названиях документов *ramavtal* «рамочный договор», *rambeslut* «рамочное решение» и *rambudget* «рамочный бюджет», определяющих и ограничивающих действия договаривающихся Сторон, по аналогии с рамой, ограничивающей в пространстве картину.

МЕСТО И РОЛЬ КОМПОЗИТОВ В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СТИЛЯ

Как отмечает С. С. Маслова-Лашанская, композиты различаются по своим функциям. В некоторых случаях путем словосложения образуются номинативные единицы, являющиеся однословным обозначением лексических понятий. В других случаях композиты «выступают в функции синтаксического средства, передающего отношения, которые складываются в процессе речевой коммуникации» [Маслова-Лашанская, 1991, с. 25]. С. С. Маслова-Лашанская называет такие слова синтаксическими композитами. Синтаксические композиты всегда являются результатом индивидуального творчества, они созданы «на случай», являются окказиональными образованиями и не входят в словарный состав языка. «По структуре они представляют собой слово, а по функциям – словосочетание» [там же, с. 28]. Возможности шведского языка по созданию таких композитов практически не ограничены. Такие лексемы очень характерны, с одной стороны, для поэтической речи [Чекалина, 2023], с другой – для канцелярского языка, поскольку позволяют выражать мысль компактно и лаконично, однако они часто бывают не понятны вне контекста, как, например, слово *hustrumisshandel*, которое может означать и домашнее насилие по отношению к жене, и домашнее насилие, осуществляемое женой. Нередко такие композиты представляют собой свернутую предикацию, поскольку их главным, определяемым, компонентом выступает девербатив, например:

riksdagsbehandling (ÖF) – слушание в Риксдаге;
tullkontrollåtgärder (MToIGP)¹ – меры таможенного контроля.

¹Зд. и далее: MToIGP – Memorandum mellan Generaltullstyrelsen i Konungariket Sverige och den Statliga Tullkommittén i Ryska Federationen

Со временем часть окказиональных слов входит в лексический фонд языка, фиксируется словарями, превращаясь в термины, понятия и имена собственные, так, в частности, были образованы названия ведомств *General tullstyrelsen* «Главное таможенное управление [Королевства Швеция]» (MToIGP), *Trafikkontrollavdelningen* «Пассажирско-грузовой отдел [Таможенной дирекции]» (MToIGP) и юридические термины *brottsutredning* «уголовное расследование», *brottsmålsförfarande* «судебное разбирательство».

В трудах некоторых лингвистов [Савицкий, Кулаева, 2004] среди композитов выделяются:

- 1) лексемы с суженным значением, например: *föräldrapenning* не любые «родительские деньги», а «пособие родителю на период отпуска по уходу за ребенком»;
- 2) с расширенным значением, например: *tjänsteman* (особенно в форме множественного числа *tjänstemän*) – не «служащие мужчины», а «чиновники» независимо от пола;
- 3) со сдвинутым значением, например: *lysrör* – букв. «световая трубка», а фактически «люминисцентная лампа»;
- 4) с переносным значением, например, *fjärrkontroll* – букв. «дальний контроль», фактически «пульт (телевизионный)»².

Нередко в документах используются слова с одинаковым вторым компонентом, обозначающим некое общее понятие, которое конкретизируется за счет первого (определяющего) компонента:

ålders|pension – пенсия по старости;
förtids|pension – пенсия по нетрудоспособности;
tilläggs|pension – дополнительная пенсия.

Причем наряду с номинативными композитами, уже вошедшими в словарный фонд языка, есть синтаксические композиты, которые являются согипонимами первых [Маслова-Лашанская, 1991]. Так были образованы слова *garantipension* «гарантированная пенсия для людей с низким заработком», *tjänstepension* «добровольная рабочая часть», представляющая собой дополнительные пенсионные отчисления в соответствии с трудовым договором, а также *premiepension* «персонально-накопительная пенсия», которая вместе с *inkomstpension* «условно-накопительная пенсия», составила общую государственную пенсию *allmän pension*.

om bestämmelser för koordinerade tullkontrollåtgärder och utbyte av information avseende gods- och passagerartrafik med färjor och flyg mellan Konungariket Sverige Och den Ryska Federationen. Bryssel, 1995-06-20.

²Корпус шведского языка Språkbanken. URL: <https://spraakbanken.gu.se> (дата обращения: 14.08.2023).

ВЛИЯНИЕ КОМПОЗИТОВ НА УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТА

Наличие и количество композитов влияют на уровень сложности текста, поскольку они представляют собой категорию так называемых длинных слов¹, превышающих семь знаков, и сверхдлинных² – свыше 14 знаков.

Количество длинных и сверхдлинных слов (включая композиты), например, в нормативно-правовых текстах составляет около 77 % от общего числа употребленных в тексте существительных, что свидетельствует о типичности этого параметра для таких текстов: *medlemsstaten* «страна ЕС» (букв. 'страна-участница'), *världshälsoorganisationen* «Всемирная организация здравоохранения», *rättsäkerhetsgarantierna* «правовые гарантии безопасности», *koncernredovisningsrapporterna* «финансовые отчеты концерна»³. В других жанрах официально-документального стиля этот показатель может быть ниже, но все равно остается очень высок. Шведская исследовательница У. Нюман подсчитала индекс сложности (LIX, *läsbarhetsindex*) и количество использованных «длинных» слов (больше 7 букв) в текстах постановлений местной администрации. Оказалось, что лексемы, которые компьютерная программа включила в группу «трудных» по формальному критерию – количеству букв, в большинстве случаев оказались композитами [Nyman, 2015]. Длинные слова составили в проанализированных документах примерно 40 % от общего количества. Индекс сложности, который колеблется от 15 единиц у легких текстов до примерно 60 – у очень сложных, для проанализированных документов областной администрации составил примерно 55–56 единиц. Этот показатель приближается к верхней границе сложности. Среди употребляющихся в документе композитов много «трудных» слов, для понимания которых читателю требуются либо фоновые знания, знакомство с темой и предметом обсуждения, либо дополнительное время, чтобы внимательно перечитать текст и разобраться в значениях этих лексем: *miljöprövningsdelegationen* «делегация экологического контроля», *detaljplanesynpunkt* «подход с учетом детального планирования», *containerranging* «[использование] контейнеров для раздельного сбора мусора», причем некоторые из таких слов

употреблялись в тексте неоднократно, как, например, *miljöprövningsdelegationen* [там же]. Процесс понимания окказиональных композитов затрудняется тем, что сложные слова в документах имеют тенденцию восприниматься как термины и соответствующим образом истолковываются читателем. Примером может служить композит *arbetslandet*, встретившийся лингвисту Э. Свенссону в одной из брошюр Шведского управления социального страхования (Försäkringskassan). Свенссон рассказывает, что принял его за неизвестный термин, тогда как в действительности это было нецельнозначное сложное слово – «страна, где то или иное лицо работает» [Svensson, 2013, с. 17]. По мнению языковых экспертов, чтобы не возникало недоразумений, в текстах официально-делового стиля следует по возможности использовать либо композиты, зафиксированные в Академическом словнике шведского языка (SAOL), либо предложные словосочетания, описательно представляющие суть соответствующего явления [там же, с. 20].

На корпоративном портале Гётеборгского университета (Klarspråk och skrivregler)⁴ приводятся правила использования композитов в служебных текстах. Сотрудникам университета рекомендуют длинные композиты не употреблять и по возможности заменять их предложными сочетаниями. В качестве примера приводятся выдержки из отчета 2014 года: вместо *kvalitetssäkringssystem* = *system för kvalitetssäkring*, букв.*система (для) обеспечения качества'; вместо *samverkansplattform* = *plattform för samverkan* – платформа для взаимодействия.

Также предлагается исключить из обихода слова, в состав которых последним компонентом входят лексемы с ослабленной семантикой, такие как *insatser* (*wagu*), *åtgärder* (*меры*), *verksamhet* (*деятельность*) и т. п., т. е. писать:

вместо *marknadsföringsinsatser* (букв. 'маркетинговые действия') – *marknadsföring* (маркетинг);

вместо *informationsåtgärder* (информационные меры) – *information* (информация);

вместо *forskningsverksamhet* (исследовательская деятельность) – *forskning* (исследования).

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ШВЕДСКИХ КОМПОЗИТОВ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Одним из самых частотных соответствий шведским композитам в русском языке являются сочетания

⁴Klarspråk och skrivregler. URL: <https://medarbetarportalen.gu.se/Kommunikation/skrivregler-klarsprak-och-oversattningar/klarsprak-och-skrivregler> (дата обращения: 25.05.2023).

¹С.-Х. Бьёрнссон предложил считать длинные слова (более шести знаков) при вычислении индекса удобочитаемости (LIX) [Björnsson, 1968].

²Л. Хельспонг и П. Ледин выделили категорию сверхдлинных слов, состоящих из более чем 13 знаков [Hellspong, Ledin, 1997].

³Kiiski S. K. Svenskt juridiskt språk. Östra Finlands universitet, 2013. URL: <https://docplayer.se/7222805-Svenskt-juridiskt-sprak-en-studie-av-ordfrekvenser-i-direktivet-om-fri-rorlighet-for-personer-inom-eu-med-kvalitativa-iakttagelser.html> (дата обращения 24.04.2023).

существительных в форме родительного падежа: *anordnande av personalutbildning* (AvF) – *организация обучения кадров*. Как видно из примера, при переводе такие цепочки «раскручиваются» с конца: последний компонент композита становится в русском тексте главным словом словосочетания, за ним следует несогласованное определение в форме родительного падежа – *обучение кадров*.

Еще один распространенный способ передачи значения шведских композитов в русском языке – сочетание существительного с относительным прилагательным:

brott mot *tullagstiftningen* liksom mot *skattelagstiftningen* (AVF) – нарушения *таможенного и налогового* законодательства.

Иногда эти способы комбинируются, например, следующий термин *rättegångskostnadsersättning* [*Språkbanken*] переводится как *возмещение судебных издержек*, но буквально означает ‘возмещение стоимости [судебного] процесса’.

Есть также случаи перевода композитов обособленными оборотами:

Dessa myndigheter skall gemensamt komma överens om *tillämpningsbestämmelser* (AVF) – Компетентные органы совместно договариваются о *мероприятиях, необходимых для исполнения настоящего Соглашения* (БННЗ).

В шведском варианте использован композит, в русском – обособленный оборот, занимающий

позицию после определяемого слова и состоящий из модального прилагательного *необходимый* с зависимыми словами. В данном контексте это прилагательное имеет ослабленную модальную семантику и служит для уточнения смысловых связей и контекстуального значения шведского слова. Использование объяснительного перевода обусловлено очень широкой семантикой обоих компонентов композита – *букв. ‘нормы применения’*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как свидетельствует анализ материалов, использование композитов в деловом шведском увеличивает сжатость, компактность и статичность изложения, растет также индекс сложности текста за счет использования длинных слов. Большинство композитов являются существительными и воспринимаются как термины, многие из которых не имеют хождения за пределами официально-делового стиля – они являются его отличительной чертой и усиливают его именную характер. Для облегчения прочтения и понимания шведские языковые эксперты призывают, по возможности, заменять композиты предложными словосочетаниями, что необходимо учитывать при переводе с русского на шведский язык. Поскольку отношения между компонентами композитов чаще всего бывают детерминативными, в русском языке таким лексемам обычно соответствуют сочетания существительных с относительными прилагательными или предложные словосочетания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. Санкт-Петербург Институт лингвистических исследований РАН, 2019. Т. XV. Ч. 1. С. 56–104. URL: https://alping.spb.ru/static/alp_XV_1/titlepage.pdf (дата обращения: 24.08.2023).
2. Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка: [учебное пособие]. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011.
3. Маслова-Лашанская С. С. О синтаксической функции словообразования в шведском языке // Скандинавская филология. Scandinavica, V. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1991. С. 25–35.
4. Никуличева Д. Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. М.; СПб., 2000.
5. Кукушкина Е. А. Типология композитов в эрзянском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2007. URL: <http://www.dslib.net/jazyki-rosii/tipologija-kompozitov-v-erzjanskom-i-nemeckom-jazykah.html> (дата обращения: 22.05.2023).
6. Жильцова Е. Л. Новейшая шведская лексика: тематические группы, происхождение, особенности словообразования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 35–41.
7. Чекалина Е. М. Именные композиты как художественное средство в поэзии Эдит Сёдергран и их отражение в русском переводе // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.) / под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой: в 3 т. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. Т. 2. С. 197–201.
8. Савицкий В. М., Кулаева О. А. Концепция лингвистического континуума. Текст. Самара: НТЦ, 2004.
9. Björnsson С.-Н. Läsbähet. Stockholm: Liber, 1968.

10. Hellspong L., Ledin P. Vågar genom texten: handbok i brukstextanalys. Lund: Studentlitteratur, 1997.
11. Svensson E. Metaforer och metonymier i myndighetstexter. En studie av oetablerat bildspråk i Försäkringskassans broschyrer. Umeå universitet, 2013. URL: https://www.sprakinstitutet.fi/files/4968/Klarsprak_i_kommunen.pdf (дата обращения: 29.06.2012).

REFERENCES

1. Belov, S. A., Gulida, V. B. (2019). The language of legal documents: difficulties in understanding. *Acta Linguistica Petropolitana*, XV-1, 56–104. St.Petersburg: The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XV_1/titlepage.pdf (date of access: 24.08.2023). (In Russ.)
2. Maslova-Lashanskaya, S. S. (2011). *Leksikologiya shvedskogo yazyka = Lexicology of the Swedish language. Study guide. 2nd ed., rev. and suppl.* St.Petersburg: Faculty of Philology. St.Petersburg University. (In Russ.)
3. Maslova-Lashanskaya, S. S. (1991). O sintaksicheskoy funkcii slovoobrazovaniya v shvedskom yazyke = On the syntactic function of word formation in the Swedish language. *Skandinavskaya filologiya. Scandinavica*, V, 25–35. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
4. Nikulicheva, D. B. (2000). *Sintagmaticheskie otnosheniya v kontinental'nykh skandinavskikh yazykakh = Syntagmatic relations in continental Scandinavian languages.* Moscow, St.Petersburg, 2000. (In Russ.)
5. Kukushkina, E. A. (2007). *Tipologija kompozitov v jertzjanskom i nemeckom jazykah = Typology of composites in Erzyan and German languages: PhD in Philology.* Saransk. <http://www.dslib.net/jazyki-rosii/tipologija-kompozitov-v-jertzjanskom-i-nemeckom-jazykah.html> (date of access: 22.05.2023).
6. Zhiltsova, E. L. (2023). The Newest Swedish Vocabulary: Theme Groups, Origin, Word-Formation Features. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(872), 35–41. (In Russ.)
7. Chekalina, E. M. (2023). Imennye kompozity kak hudozhestvennoe sredstvo v poezii Edit Syodergran i ih otrazhenie v russkom perevode = Name composites as an artistic means in the poetry of Edith Södergran and their reflection in Russian translation. In Yarmakeev, I. E., Tarasova, F. H. (Eds.), *Sovremennaya lingvistika: ot teorii k praktike* (vol. 2, pp. 197–201): III Kazanskij mezhdunarodnyj lingvisticheskij sammit (Kazan', 2022, November 14–19): in 3 vols. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Kazan'. (In Russ.)
8. Savickij, V. M., Kulaeva, O. A. (2004). *Koncepciya lingvisticheskogo kontinuuma. Tekst = Linguistic continuum concept. Text.* Samara: NTC. (In Russ.)
9. Björnsson, C.-H. (1968). *Läsbarhet.* Stockholm: Liber.
10. Hellspong, L., Ledin, P. (1997). *Vågar genom texten: handbok i brukstextanalys.* Lund: Studentlitteratur, 1997.
11. Svensson, E. (2013). *Metaforer och metonymier i myndighetstexter. En studie av oetablerat bildspråk i Försäkringskassans broschyrer.* Umeå universitet. https://www.sprakinstitutet.fi/files/4968/Klarsprak_i_kommunen.pdf (date of access: 29.06.2012).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матыцина Ирина Витальевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matytsina Irina Vitalyevna

PhD in Philology
Associate Professor at the German and Celtic philology chair
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	29.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	16.10.2024	
принята к публикации	18.10.2024	